

ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ОПЫТЫ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

В силу ряда особенностей исторического развития России, её национальные интересы определялись в течение длительного времени как государственные. Принимая православие как единственно возможную для России религию, самодержавие вынуждено было считаться с интересами неправославных конфессий, многонациональным характером страны. Тем не менее, действия Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в лице Св. Синода и правительства в формировании внутренней этноконфессиональной политики носили неоднозначный характер.

Необходимыми элементами национальной политики являлись народное воспитание и образование. Собственно говоря, весь XIX век прошёл под знаком реформирования народного просвещения. В начале XIX века было образовано Министерство народного просвещения (далее – МНП), опубликованы «Предварительные правила народного просвещения», определившие основные принципы и положения в организации народного образования в России. Именно в это время страна была разделена на шесть учебных округов, которые были образованы вокруг университетских центров. В их числе был и Казанский. В результате неполной реформы 1802–1803 годов появилась и сеть учебных заведений начального уровня для крестьян и городского населения.

Реформирование школьного образования в последующие царствования проводилась непоследовательно. Устав 8 декабря 1828 года отделял народную школу от средней и высшей, а в основу их классификации был положен принцип сословности. При этом особое место отводилось школам церковного ве-

домства. Основываясь на идеологическом принципе триединства самодержавия, православия и народности, духовенству было дано преимущественное право на обучение и воспитание. Однако в этот период церковное ведомство вовсе не занималось образованием народа. Несмотря на то, что система духовного образования была самой развитой и многочисленной в стране, в ней учились только дети самого духовенства. Церковно-приходские школы для народа развились лишь в 1880-е годы.

Общественный подъём 1850–1860-х годов вновь обострил проблему реформирования системы образования, и выдвинул необходимость адаптации её к новым условиям жизни. Именно в это время и появляются многочисленные проекты школьных реформ, возникают педагогические общества, начинают выходить в свет педагогические издания, разворачивается широкая просветительская деятельность, в которую были вовлечены представители разных социальных слоёв России. В 1863 году был принят новый университетский устав, восстановивший прежнюю самостоятельность, уничтоженную уставом 1838 года, в 1864 году был подписан «Устав гимназий и прогимназий», по которому устанавливались два типа гимназий: классическая и реальная. И хотя гимназии объявлялись общедоступными, плата была столь высока, что закрывала в них дорогу неимущим.

В целом, реформы 1860-х годов способствовали демократизации образования. Так самостоятельность в решении вопроса образования и разрешение земствам и частным лицам открывать собственные школы позволили серьёзно улучшить качество обучения, расширили его доступность. Особенно это сказалось на развитии женского образования, когда в 1862 году женские училища получили свой устав. В этих училищах обучалось немало представительниц из простого народа. Однако, прорыв этот оказался недолгим, и уже контрреформа средней школы 1871–1872 годов оставила лишь классические гимназии, преобразовала реальные гимназии в реальные училища, практически закрыв их воспитанникам путь в университеты. Сословность вновь стала принципом комплектования гимназий. В 1880–1890-е годы поворот вправо во внутренней

полите Александра III сказался и в сфере народного образования: вновь была урезана автономия университетов (1884), ужесточились требования к абитуриентам, что вызывало массовые волнения студентов, в том числе в Казани (1887). Общее количество студентов в университетах сократилось. Массовые выступления студентов не поколебали политику властей.

Несмотря на острую нужду в квалифицированных, образованных подданных, испытываемую государством, правящие элиты так и не смогли решиться на широкое внедрение светского образования. Контроль РПЦ церкви за образовательными процессами с 1884 года вновь усилился. Была развёрнута широкая сеть церковно-приходских школ, лишь немного уступавшая по охвату населения земской. В целом, к концу XIX века в российской системе образования вновь сложилась непростая ситуация, поскольку появление новых форм хозяйствования, зарождение и развитие национальной буржуазии требовали демократизации школ всех ступеней.

В Поволжье сложилась своя региональная система народного образования и подготовки педагогических кадров, соответствовавшая этноконфессиональной структуре региона. К тому времени Казанский край органично вошёл в хозяйственно–экономическую и духовную жизнь России, сделавшись в пореформенный период одним из ведущих экономических и культурных регионов. Зарождающаяся татарская национальная буржуазия претендует на самостоятельную роль в имперской политике. Вопросы просвещения и образования становятся для неё пробой силой на поле политики. Мусульманскими интеллектуалами выдвигается программа реформы образования, в результате которой инородческий компонент, органически вписанный в социальное тело России, смог бы получить легальный доступ к процессам управления.

Имперская элита очень плохо представляла себе реальное состояние мусульманского общества и поэтому предлагаемые столичными деятелями из МНП проекты были умозрительны и не соответствовали реальному положению дел (так, например, в ходе обсуждения вопроса об инородческом образо-

вании в 1868 году выяснилось, что в своих постановлениях и указах Петербурге исходили из того, что татары, в основном, хорошо владеют русским языком и на этом основании не понимали необходимости создания специальных татарских училищ). 26 марта 1870 года правительством были утверждены правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцах», положения которого предусматривали обучение инородцев–христиан (крещёных татар, чувашей, мари, удмуртов, мордвы) на родном языке с постепенным введением русского языка. Это положение рассматривалось с точки зрения интересов этих народов, как факт безусловно позитивный. А для татар–мусульман намечалось: 1. учреждение за счёт казны начальных сельских и городских училищ с обучением русскому языку для детей обоего пола при раздельном обучении, 2. открытие русских классов при мектебе и медресе, 3. новые медресе и мектебе могут быть открыты только с обязательным изучением русского языка. Механическое применение этих требований могло лишить мусульман даже конфессиональной системы образования, имевшей высокий статус среди инородцев.

Правила, имеющие силу закона, были приняты мусульманским сообществом неоднозначно. Духовенство оценило их враждебно, городское население отнеслось к открытию русско-татарских училищ вполне доброжелательно, охотно отдавали в них учиться своих детей, понимая важность светского образования. Постепенно в поволжском регионе формируется определённый круг педагогов из инородцев, поддерживавших изучение русского языка и вхождение в российское общество.

Буржуазные преобразования середины XIX века затронули не только общественно–политическую сферу, но и помогали новым настроениям и веяниям проникнуть в довольно замкнутую крестьянскую среду. Складывается ситуация, которая способствует не только усилению освободительных тенденций, но и пробуждение национального самосознания в народе. Особенно это было заметно во второй половине 1860-х годов, когда в пределах компактного проживания татар–кряшен, отчётливо стала проявляться тенденция «отпадения»

от православия и возвращение в ислам. В правительственных кругах «отступничество» вызывало большую обеспокоенность. Её следствием и явилось возникновение в Казани в 1867 году православно–общественной организации – Братства Святителя Гурия, ставившего перед собой миссионерские цели среди нерусского населения Казанской губернии. Подвижником дела просвещения народов Среднего Поволжья был Н.И. Ильминский. Анализируя причины перехода крещёных татар, чувашей, мари в мусульманство, он пришёл к выводу, что «у татар есть какая–то моральная сила, какая-то национальная стойкость», а административно–принудительными мерами нельзя удержать не только давно обращённых в православие, но и невозможно привлечь других, тогда как от него требовали прямого и краткого опровержения ислама. В противовес официальной доктрине миссионерства Н.И. Ильминский создаёт собственную систему, основанную на использовании родного языка «инородцев» и приобщении через него к православию. По оценкам современников, братские школы, работающие по принципам Н.И. Ильминского, задачу по предотвращению «отпадения» успешно выполняли. Система Н.И. Ильминского достаточно хорошо проанализирована, поэтому в данной статье мы не будем подробно на ней останавливаться, отметим лишь, что в своей миссионерской деятельности он ориентировался либо на формально принявших православие, либо на остающихся в язычестве и не знающих русского языка.

Благодаря поддержке высших правительственных кругов, в частности гр. Д. Толстого, а затем, в 1880-90-х гг., и К.П. Победоносцева, «система Ильминского» была официально признана правительством «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. (просуществовала до 1917 г.). В 1880–90-е гг. русификаторская политика правительства усиливается, чиновники активно вмешивались в жизнь татарских и других заведений мусульман. Разумеется, насильственное приобщение к христианским морально–нравственным ценностям и достижениям негативно отражалось на тех народах, которые имели свою самобытную культуру, традиции и обычаи.

И, тем не менее, сближение народов, несомненно, является значительным положительным фактом.

Система Н.И. Ильминского позволяла снять сомнительный успех в христианизации народов России, создала возможность для более объективной оценки этой работы. Вопреки своей основной цели «система Ильминского» способствовала формированию национальной интеллигенции, оказала позитивное влияние на развитие языков и создание письменности у не имевших её народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, содействовала росту грамотности населения, приобщала нерусские народы к культуре русского народа, способствуя тем самым подъёму культуры народов России в целом.

Этноконфессиональная политика правительства второй половины XIX века не только имела своё основание в имперском характере российской государственности, но и разделяла все её недостатки. Кризис социальной функции религии был связан не только с мощным ростом государственных интересов и властных структур, но и с падением роли церкви в результате межличностных и общественных отношений, где участие религии сводится к минимуму, заметно снизилась и социальная (регулирующая) функция религии в связи с мощным ростом государственных институтов и властных структур; усиление раскола и сектантства является показателем плохого состояния народного образования и просвещения, низкого экономического уровня развития и, отчасти, произвола местных властей.

В целом, этноконфессиональная политика российского правительства, особенно в последней четверти XIX века, выражалась в ограничении прав некоторых национальностей, в русификации национальных окраин и распространении на них общеимперского административно-политического управления; церковь приобрела монопольное право на первоначальное народное образование. Казанская губерния по темпам развития системы образования занимала лидирующие позиции. Своеобразие системы базировалось на этническом и религиозном компонентах, обуславливая отличие от других регио-

нов: с одной стороны, именно в Казани появилось первое педагогическое учебное заведение для мусульман, с другой — в практике создания учебных заведений большую роль играло миссионерство. В дальнейшем, обострению национального вопроса во многом способствовал сам царизм, стремившийся усилить свою власть в национальных окраинах путём русификации и унификации системы управления ими.

В дискурсе современной национальной политики реализуются как проверенные имперские методы, так и советские новеллы. В целом, эта традиция, апеллирующая к патриархальным основам народной жизни, не может серьёзно повредить интересам нового российского государства (материалы исследований свидетельствуют о превалировании в общественном сознании межконфессиональной и межэтнической лояльности), однако в нынешних условиях конфессиональная политика должна быть встроена в систему национальной безопасности России. Это предполагает учёт сложных переплетений самобытности в жизнедеятельности и общении народов в едином государстве. С одной стороны, являясь фактором внутриэтнической консолидации, религия привносит некоторую дистанцированность от других этнических групп, особенно в семейно–родственной сфере. Но одновременно она способствует межэтнической и межконфессиональной толерантности. Например, в Республике Татарстан, где к верующим (в той или иной степени) отнесли себя 81% татар и 74% русских, среди русских верующие несколько чаще выражали желание, чтобы их дети знали татарский язык (73% против 64% среди неверующих). Верующие татары степень близости с русскими определили выше, чем колеблющиеся. Причем, особенно высокая степень близости, идентичности, была выражена у верующих русских по отношению к мусульманам, равно как у верующих татар по отношению к православным. Религия в Татарстане не стала фактором, дезинтегрирующим общество. По данным исследования «НИК» верующие, как среди татар, так и русских, чаще чем неверующие, идентифицировали себя с татарстанским сообществом. Сходные тенденции характерны для всего Поволжского региона.

Идея развития Татарстана как полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного сообщества провозглашена приоритетной во внутренней политике, осуществляемой органами власти РТ. По Конституции РТ в республике гарантируется равноправие функционирования татарского и русского языков в качестве государственных, а также сохранение и развитие языков других национальностей (был принят Закон «О языках народов РТ»). Приняты долгосрочные комплексные программы развития национальных культур, искусств, национального образования. Некоторые результаты языковой политики были прослежены в ходе изучения молодежной среды летом 1999 года. Говоря о степени владения татарским языком 3% русских респондентов заявили о свободном владении, 7,5% говорят с затруднениями, 12,5% говорят с большим трудом. Кроме того 21% говорит, но не понимает. Эти достаточно скромные результаты в определенной степени объясняются и недостатком квалифицированных кадров, учебного материала, и несовершенством методик. Тем не менее, необходимость владения обоими государственными языками очевидна особенно для работающих в сфере услуг и органах власти. Однако настораживает то, что в настоящее время именно кадровая политика, главным образом в органах власти республики, стала фактором, во многом определяющим характер межэтнических отношений в республике. Не случайно при общем доминировании оценки межэтнических отношений как стабильных, достаточно большая часть русских и татар считают их внешне спокойными, но ощущают внутреннюю напряженность, небольшая часть считает, что эти отношения за последние два года ухудшились.

В целом, следует отметить, что консолидации татарстанского сообщества возможно достичь путём соблюдения равноправия этнокультурных интересов разных этнических групп, повышением уровня их образования и учитывая их национально–статусные prerogatives. Пока же в общественном мнении доминирует точка зрения о дисбалансе возможностей национального представительства в отдельных политических и социальных сферах. В качестве иллюстрации можно привести тот факт, что нынешний состав Госсовета РТ примерно

на 77% состоит из татар; татары преобладают и среди глав администраций городов и районов республики (80%).

В связи с тем, что на данный момент изучение состояния наций и межнациональных отношений, проблема этнической идентичности, развития конкретных этносов и их взаимоотношений происходит в большей степени стихийно, остаётся актуальным вопрос о дальнейшем развитии межнациональных отношений в Российском государстве и собственно предмете национальной политики. В целом, можно сделать вывод, что государство, как правило, видит в существовании наций лишь причину возможных конфликтов, а нации не обрели уверенности в своих этнонациональных перспективах в Российском государстве, что в целом не благоприятствует формированию социально-политической стабильности и положительных перспектив формирования процесса этнической идентификации общества.